

встречающемся в этом разделе. Речь идет о грамоте, по которой при императоре Мануиле II Палеологе Русскому афонскому монастырю были переданы земли в тридцать зевгариев на Кассандре. Составил документ в качестве кефалии Кассандры Стефан Дука Редин, причем упоминается, что распоряжение исходит не от самого императора, а от его сына „всеблаженнейшего деспота“. Из этого факта Г. А. Острогорский выводит заключение, что здесь отражается установившееся в последнюю эпоху истории Византии положение, когда „жалкие ее остатки распались на ряд отдельных уделов, лишь формально связанных с центром наподобие древней Руси, фактически же живших своей особой жизнью под управлением младших членов династии“ (стр. 226). Поздневизантийский феодализм характеризуется дальнейшим развитием проники, как основного вида держаний в Византии. Возникнув в предшествующие периоды, в эпоху Палеологов развивается экскуссия, соответствующая западноевропейскому иммунитету, и в своем развитии достигает наибольшей полноты. Обладая полнотой налоговой экскуссии, будучи ограждены от вмешательства должностных лиц центрального, областного и местного аппарата, получая право управления и суда по отношению к зависимому населению, монастыри и светские феодалы превращали свои держания в замкнутые административно-хозяйственные округа, почти независимые от центральной власти: происходил процесс, о котором говорил Энгельс, утверждая, что сословие феодальной аристократии „... было включено в государственную организацию и сделалось одним из рычагов правительственной машины... Но чем более вклинивался этот новый элемент в старый государственный строй, тем более он потрясал основы этого строя“.³ Но все дело в том, что в Византии никогда не было „уделов“, и проводить аналогию между „уделом“ Киевской Руси и византийским феодальным держанием нет решительно никаких оснований. Эпоха Палеологов знает частные случаи, когда члены царствующего дома получали в управление отдельные области империи. Именно эта эпоха, характеризующаяся безграничным ростом крупных земельных владений, отмечена попытками укрепить династию. Члены царствующего дома, назначаемые правителями, бывали теснейшим образом связаны с Константинополем, и императоры могли в любое время убрать с постов областных правителей своих родственников, если они превышали свою власть, если они делали попытки превратиться в самостоятельных правителей. Отдельные правители из царствующей династии, действительно, сильно превышали свою власть, как это имело место в названном Г. А. Острогорским случае, когда сын Мануила II, деспот Андроник, в 1423 г. продал Фессалонику Венеции за 50 000 золотых номисм. Но это была не система, а исключение: Палеологи еще могли держать в своих руках представителей своей династии, в то время как у них не было больше сил, чтобы сдерживать в какой-либо степени крупных светских феодалов-прониаров, стремившихся вырваться из-под опеки центральной власти.

Автор рецензируемого исследования стремится, далее, разрешить вопрос о том, какой характер имели писцовые книги в Византии, с какой целью они составлялись и кому шли записанные в них доходы (стр. 230), так как, по его мнению, имеющиеся работы Ф. И. Успенского, П. Безобразова и других исследователей не смогли разрешить этого вопроса. Все неясности и неточности в определении характера писцовых книг происходят, по мнению Г. А. Острогорского, вследствие „неясности представлений об отношениях феодального общества“ (стр. 232).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 406.